

Р. Г. СКРЫННИКОВ

ОПРИЧНЫЙ РАЗГРОМ НОВГОРОДА

Разгром Новгорода явился одним из самых трагических эпизодов в истории опричнины. По мнению известного исследователя опричнины А. А. Зимина, «ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода являлась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны», разгром Новгорода подвел финальную черту под длительной борьбой за объединение русских земель под властью московского правительства.¹ Подобное истолкование значения опричного разгрома Новгорода едва ли справедливо. В период ликвидации Новгородской республики в конце XV в. московское правительство экспроприировало всех местных феодалов — бояр, купцов и житых людей, — а на их землях водворило московских дворян-помещиков. Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Ко времени опричнины в Новгороде прочно утвердились московские порядки. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгорода, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель и т. д. Влияние главы новгородской церкви и приказных людей на местное управление заметно усилилось после упразднения новгородского наместничества в начале 60-х годов. Местный приказной аппарат, целиком зависевший от центральной власти, был самой верной опорой монархии. То же самое можно сказать и относительно новгородской церкви. В годы опричнины новгородский архиепископ Пимен оказал много важных услуг царю и его приспешникам. За полтора года до разгрома он помог опричному правительству справиться с митрополитом Филиппом. Однако несмотря на безусловную

¹ А. А. Зимин. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. В сб.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.), М., 1964, стр. 41, 45, 48.

лояльность новгородской администрации по отношению к опричнине, царь Иван и его сподвижники не очень доверяли новгородцам и недолюбливали Новгород, что объяснялось различными причинами.

По мере того как углублялся раскол между опричниной и земщиной, опричная дума с растущим беспокойством следила за настроениями новгородского дворянства. Земская «новгородская рать», насчитывавшая до 3 тысяч детей боярских, по численности в несколько раз превосходила дворянство любого другого уезда, включая Московский.² Политическое влияние новгородского дворянства было весьма значительным, ввиду чего при любом кризисе борющиеся за власть группировки пытались заручиться поддержкой новгородских помещиков. Удельный князь А. И. Старицкий пытался опереться на Новгород во время мятежа в 1537 г.³ Бояре Шуйские захватили власть в январе 1542 г., когда их поддержали новгородцы «все городом».⁴ При Избранной раде в армии произошли серьезные беспорядки, вызванные отказом новгородских помещиков идти на Казань в 1552 г.⁵ Выступления фрондирующих дворян в Новгороде имели причиной отнюдь не пресловутый новгородский сепаратизм, а скорее высокую концентрацию местных интересов, усиление политического веса новгородских дворян и, с другой стороны, начавшееся дворянское оскудение. Введение опричных порядков в стране и насилия над земщиной усилили влияние дворянской фронды в Новгороде. На Земском соборе 1566 г. немало новгородцев поддержали требование об отмене опричнины. Опричное правительство, проводя крайне непопулярный политический курс, пристально следило за настроениями новгородского ополчения, которое по численности вдвое превосходило силы опричного корпуса.

Одной из причин антиновгородских мероприятий опричнины было давнее торговое и культурное соперничество между Москвой и Новгородом. Но несравненно более важное значение имело обострение социальных противоречий в Новгородской земле, свя-

² Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г. Витебская старина, т. IV, Витебск, 1885, стр. 33—38. — В списке «тысячи лучших слуг» 1550 г. попал 201 дворянин из Новгорода и только 43 дворянина из Москвы. На Земском соборе 1566 г. Новгород представлял 21 дворянин, а Москву — 16 дворян. (См.: И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 418; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 175).

³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 141, примеч. 2.

⁵ В лагере на Оке новгородцы подали челобитье, «нужи свои и недостатки сказав государю... многу же несъгласию бывшу в людех». Царь долго увещевал новгородских помещиков и таким путем, замечает летописец, «не ища чести своему величеству прикращает многонародных сласов молву» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 191).

занное с экономическим упадком конца 60-х годов. В жизни некогда независимых феодальных республик Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Массовые выселения конца XV в. вовсе не затронули основной толщи местного посадского населения, «меньших людей», оставшихся живыми носителями демократических традиций новгородской старины. В этой среде сохранился изрядный запас антимосковских настроений, питаемых и поддерживаемых злоупотреблениями московской администрации. Неповиновение буйных «меньших людей» и бессилие московской администрации было источником постоянной тревоги для власть имущих. Выражением подобной тревоги служат следующие строки из «Сказания о градех», сохранившегося в составе новгородского владычного летописца 50—60-х годов XVI в.⁶ «А бояре в нем (Новгороде, — Р. С.) меньшими людьми наряжати не могут, а меньшие их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, толко их бог блюдет за их глупость».⁷

Эпидемия чумы и голод, поразивший Новгород во второй половине 60-х годов, усилили элементы недовольства в народе. Что же касается пресловутого новгородского сепаратизма, то он был всего лишь побочным продуктом глубокого социального брожения в низах.

* *
*

Предвестником новгородского «изменного» дела были опричные репрессии против псковских дворян и приказных, сдавших литовцам псковский пригород Изборск в январе 1569 г.⁸ После освобождения города опричники казнили двух изборских подьячих и двух жителей Пскова, а в марте царь издал распоряжение о выселении из Пскова и Новгорода всех неблагонадежных лиц: 500 семей было выселено из Пскова и 150 из Новгорода.⁹ Основную массу переселенцев составляли «меньшие люди». Изборская «измена» внушила правительству мысль о ненадежности населения и приказной администрации Новгородско-Псковской земли и их потенциальной измене в пользу Литвы.

Спустя несколько месяцев опричники объявили о раскрытии в земщине заговора в пользу двоюродного брата царя — кн. В. А. Старицкого. В октябре 1569 г. царь вызвал Старицкого

⁶ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). Проблемы источниковедения, 1955, т. IV, стр. 254—255.

⁷ Там же.

⁸ Литовцы завладели Изборском с помощью русских изменников Тимохи Тетерина и братьев Сарыхозиных. Подробнее см.: Р. Г. Скрынник о в. Синодик опальных царя Ивана Грозного. В сб.: Вопросы истории СССР в XVI—XVIII вв. (Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена), Л., 1965, т. 278, стр. 42.

⁹ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 129.

в Слободу и приказал ему принять яд.¹⁰ Правительство искало сообщников удельного князя среди старомосковских бояр, высших приказных чинов, а также среди новгородцев и псковичей. Возглавлявшие земщину старомосковские бояре и приказные люди оказались под подозрением после суда над руководителем Конюшенного приказа боярином И. П. Федоровым и митрополитом Филиппом Колычевым в 1568 г. Подозрения против новгородцев объяснялись тем, что Старицкие, чьи владения находились близ новгородских рубежей, издавна поддерживали дружбу с Новгородом и имели вассалов среди новгородских помещиков. В глазах правительства новгородцы и псковичи в достаточной мере скомпрометировали себя изборской «изменой». Согласно подлинному судному делу, участники новгородского заговора будто бы хотели «Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя... хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Володимера Андреевича».¹¹ Из династических соображений власти предали широкой огласке лишь первое из этих обвинений — об измене заговорщиков в пользу Литвы.

Источники, относящиеся к истории новгородского «изменного дела», скудны и тенденциозны. Исключением является синодик опальных, в основе которого лежат подлинные дела опричного архива. Синодик позволил обнаружить тот факт, что главной фигурой новгородского дела был виднейший земский боярин В. Д. Данилов, сподвижник казненного ранее конюшего И. П. Федорова.¹² Самый осведомленный из авторов того периода — А. Шлихтинг — сообщает, что Данилова оклеветали служившие у него пленные литовские пушкари. Пойманные при попытке бежать в Литву, они показали, будто посланы были к польскому королю своим господином. Под пыткой боярин признался в измене.¹³ Рассказ Шлихтинга подтверждается источниками документального происхождения, описью царского архива и синодиком опальных. В царском архиве хранилась «отписка ко государю в Васильеве деле Дмитреева (Данилова, — Р. С.) о пушкарях о беглых о Мишках».¹⁴ По синодику, во время новгородского разгрома опричники казнили одного за другим Данилова, главного новгородского дьяка А. Безсонова и литвина Максима, слу-

¹⁰ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 45—46.

¹¹ ДДГ, стр. 480.

¹² Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 51—52. — Вскоре после введения опричины Данилов стал помощником И. П. Федорова в составе земской боярской комиссии, «ведавшей Москву» в отсутствие царя (см.: Разрядная книга 1375—1605 гг. ГПБ, собр. Эрмитажное, д. 390 (далее: Разряды), л. 331 об.).

¹³ А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 35—36.

¹⁴ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 44.

жившего у Данилова.¹⁵ Беглый пушкарь литвын Максим (в русской транскрипции Мишка) был главным доносчиком в деле боярина Данилова.

Отметим, что земскому боярину Данилову было предъявлено то же самое обвинение, что и новгородцам, — намерение «предаться» польскому королю. Венецианский дипломат Джерио, прибывший в Москву в дни новгородского разгрома, собрал важные сведения об обстоятельствах новгородского дела. Царь, писал он, разорил Новгород вследствие поимки гонца с изменническим письмом¹⁶ (перевод наш, — *P. C.*). Упомянутая выше опись царского архива 70-х годов позволяет детально расшифровать сообщение Джерио. Подле «дела» Данилова в архиве хранилась «отписка из Новгорода от дьяков Ондreja Безносова да от Кузьмы Румянцова о польской памяти».¹⁷ По-видимому, в Новгороде был пойман лазутчик с тайной грамотой и главные новгородские дьяки поспешили отписать о нем в Москву. Напомним, что двумя годами ранее литовцы обратились с тайными грамотами к конюшему Федорову и другим руководителям земщины. В новгородском деле литовская интрига получила свое продолжение.¹⁸ «Польская память», найденная у лазутчика в Новгороде, стала в глазах опричников главной уликой против новгородских властей.¹⁹

Главными инициаторами новгородского дела были опричные думные дворяне Малюта Скуратов и Василий Грязной. Именно они возглавили судилище над кн. В. А. Старицким, а затем руководили погромом Новгорода.²⁰ Малюта стремился всячески раздуть дело из корыстных, карьеристских соображений. Раскрытие новгородской «измены» позволило ему устранить старое опричное руководство и захватить власть в опричной думе.

Новгородское дело вызвало глубокую тревогу у тех опричных деятелей, которые не утратили способности соображивать свои

¹⁵ Р. Г. Скрыпников. Синодик опальных..., стр. 73.

¹⁶ Донесение аббата Джерио дожу Венеции. *Historia Russiae Monumenta*, t. I, СПб., 1841, стр. 214.

¹⁷ Описи царского архива..., стр. 44.

¹⁸ Официальным ответом на литовскую интригу в Новгороде явилось следующее заявление русских послов в Литве. На вопрос о массовых казнях в Новгороде они отвечали: «о котором есте лихом деле з государьскими изменшики лазучьством ссылались и бог тое измену государю нашему объявил, и потому над теми изменшики так и ссталось» (см.: Сб. РИО, т. 74, стр. 777). Официальное заявление послов показывает всю степень ослепления царя Ивана и опричных руководителей, мистифицированных литовской секретной службой.

¹⁹ Поздние новгородские предания, старавшиеся отвести от Новгорода всякие подозрения в измене, отрицали наличие «польской памяти» и утверждали, будто изменную грамоту составил некий бродяга, волеянец Петр, желавший отомстить Новгороду (см.: Новгородские летописи, стр. 468).

²⁰ Послание Таубе и Крузе. Русский истор. журнал, кн. 8, Пгр., 1922, стр. 46; см. также ниже, стр. 169.

действия, помимо соображений карьеры, также и со здравым смыслом. Они видели бессмысленность обвинений против архиепископа Пимена и опасались, что расправа с ним усилит непопулярность опричнины.

Кн. А. Вяземский, один из самых влиятельных членов опричной думы, тайно предупредил Пимена о грозившей ему опасности и готовившемся походе опричников на Новгород.²¹ За это он подвергся царской опале вскоре после окончания новгородского похода. Что касается главного инициатора опричнины, руководителя опричной думы — боярина А. Д. Басманова, то он вынужден был выйти в отставку как раз в дни суда над Старицким и новгородцами. После похода Басманов был объявлен сообщником Пимена и предан казни.²²

* *

*

По первому зимнему пути опричная армия двинулась через Клин, Тверь, Торжок и Бежецкую пятину на Новгород.²³ Участники похода Таубе и Крузе утверждают, будто опричники истребили все население Клина и опустошили местность от Клина до Черной (Цорна) и от Черной до Новгорода.²⁴ По Штаделу, опричники стали избивать население лишь после того, как прибыли на Черный ям, что вполне согласуется с данными синодика опальных.²⁵ Документальные записи синодика показывают, что опричные репрессии приобрели широкий размах лишь после вступления опричных в Тверскую землю: «на заказе от Москвы 6 человек. В Клине Иона каменщик. Пскович з женами и з детми на Медне 190 человек. В Торжку. . . пскович з женами и з детми 30 человек. Бежецкия пятины: Игнатя Неклюдов Юренив» и др.²⁶ Жертвами резни, учиненной в Тверской земле, были в первую очередь опальные псковичи, выселенные из Пскова весной в связи с изборокой «изменою». Переселение затянулось, в декабре многие опальные псковичи находились в селе Медне под Тверью и в Торжке.²⁷ Опричники подвергли их поголовному истреблению.

В Твери царь Иван и его свита остановились в Отроче монастыре, где более года томился в заточении Филипп Кольчыв.

²¹ А. Шлихтинг. Новое известие... стр. 32. — Новгородцы готовились к встрече царя. В новгородский владычный летописец за 1569 г. была включена подробнейшая роспись «корму царю», «коли с Москвы поедет в Великий Новгород» (см.: Новгородские летописи, стр. 99—100).

²² См.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 57—58, 84.

²³ См.: Послание Таубе и Крузе, стр. 48; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925 (далее: Штаден), стр. 89.

²⁴ Послание Таубе и Крузе, стр. 48.

²⁵ Штаден, стр. 89.

²⁶ См.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 75.

²⁷ G. Hoff. Erschreckliche, greuliche und unerhörte Tyranny Iwan Wasiljewic. 1582, лл. 16 об.—17 (ср.: Послание Таубе и Крузе, стр. 48).

Через Малюту Скуратова царь просил у Филиппа благословения на расправу с новгородским архиепископом.²⁸ В свое время Пимен помог опричникам низложить Колычева, теперь царь надеялся подкрепить санкциями против новгородской церкви авторитетом бывшего митрополита. Но свидание в митрополичей келье имело трагический финал. Когда Филипп отказался благословить царя и стал в сердцах обличать неистовство «суетных», Малюта зажал ему рот подушкой и задушил его. Произошло это 23 декабря 1569 г.²⁹ После расправы с бывшим митрополитом царь велел ограбить тверские монастыри и церкви.³⁰

Тщательный анализ источников позволяет раскрыть важную особенность опричных репрессий, до сих пор ускользавшую от внимания исследователей. Таубе и Крузе сообщают, что в первые дни пребывания в Твери опричники разграбили монастыри, затем насилия прекратились и в течение двух дней тверичи были вполне уверены в том, что грабежи не распространятся дальше, но на третий день царь велел погромить тверской посад. По свидетельству тех же авторов, опричники пробыли в Твери пять дней. Следовательно, разгром посада был произведен в самый последний день и носил характер кратковременной акции.³¹ Репрессии против посада преследовали две цели. Власти стремились пополнить за счет купечества опричную казну. Главная же цель состояла в том, чтобы терроризировать низы посадского населения Твери.

2 января 1570 г. передовые отряды опричной армии оцепили Новгород «крепкими заставами» и заняли главнейшие монастыри в окрестностях города. Опричники опечатали монастырскую казну и взяли под стражу многих монахов и попов.³² Через несколько дней в Новгород прибыл Грозный, остановившийся лагерем на Городище в нескольких верстах от города. В воскресенье 8 января царь отправился к обедне в Софийский собор. Архиепископ торжественно встретил его с крестами и иконами на Волховском мосту, но Иван отказался принять от Пимена благословение и перед всем народом громогласно обвинил его и всех

²⁸ Житие Филиппа митрополита. ГПБ, Соловецкое собр., д. 1073/963, л. 89; А. Курбский. История о великом князе Московском. РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стр. 316; Псковские летописи, т. I. М.—Л., 1941, стр. 125. — По «Житию», Филипп стал читать отходную после первых же вопросов опричника.

²⁹ Житие Филиппа митрополита, л. 90; РИБ, т. XXXI, стр. 316.

³⁰ См.: Штаден, стр. 90; Послание Таубе и Крузе, стр. 48.

³¹ Опричники стали грабить духовенство после убийства Филиппа 23 декабря 1569 г. Не позднее 26—27 декабря они покинули Тверь и 2—6 января 1570 г. были уже в Новгороде. По зимнему пути от Торжка до Новгорода считалось 295 верст, 10 ямских станций, т. е. не менее 10 суток пути. (См.: И. А. Голубцов. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в. Вопр. географии, сб. 20, М., 1950, стр. 294).

³² Новгородские летописи, стр. 395.

горожан в измене.³³ После обедни опричники перешли в архиепископские палаты «хлеба ясти», но едва начался невеселый пир, как царь, возопив «гласом великим с яростию», велел страже схватить Пимена и его бояр. Опричники ограбили сокровищницу новгородского Софийского дома и архиепископский двор, забрали из Софии драгоценную утварь и иконы, выломали из алтаря древние Корсунские ворота.³⁴

На другой день начался суд в царском лагере на Городище. Согласно местной летописи, Иван велел привести на суд «владычных бояр и иных многих служивых людей и детей боярских и гостей и всяких градских и приказных людей...».³⁵ Дознание велось с применением самых жестоких пыток. Опальных жгли на огне «некою составною мукою огненною». Осужденных привязывали к саням длинной веревкой, волокли две версты до Новгорода и сбрасывали с Волховского моста в реку. С помощью пыток опричные палачи добивались от своих жертв любых нужных им показаний.³⁶ Таким путем после длительных допросов были изобличены в «измене» сообщники боярина Данилова в Новгороде: архиепископ и его люди, главные новгородские дьяки, многие из местных дворян и т. д. Новгородские записи синодика содержат подробные списки лиц, осужденных по новгородскому делу. Согласно этим спискам, во время суда в Новгороде было казнено более 200 дворян и подьячих.³⁷ Примерно 100—200 дворян было увезено под стражей в Александровскую слободу. Среди казенных самыми знатными были боярин В. Д. Данилов, В. А. Бутурлин, Г. И. Вороной-Волынский, кн. А. М. Бычков-Ростовский.³⁸ За единственным исключением, все они принадлежали к верхам нетитулованного старомосковского боярства. С этим слоем правящего боярства была тесно связана высшая приказная администрация, вследствие чего репрессии глубоко затронули также приказной аппарат. Вместе с Даниловым казни подвергся виднейший московский дьяк

³³ Там же, стр. 340.

³⁴ Там же, стр. 341; Псковские летописи, т. I, стр. 115; Штаден, стр. 90—91.

³⁵ Новгородские летописи, стр. 400.

³⁶ «и в том деле с пыток многие про ту измену на новгородского архиепископа... и на себя говорили» (ДДГ, стр. 480).

³⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 47—53, 56.

³⁸ Все названные лица занесены в краткий перечень опальных, представляющий собой список казенных членов Боярской думы и их близких родственников (см. там же, стр. 66). — Г. Волынского, поименованного в синодике, можно отождествить с Г. И. Волынским, двоюродным племянником одного из главных бояр земщины М. И. Вороного-Волынского (см.: Родословная книга российских князей и дворян, ч. II. М., 1787, стр. 98). По-видимому, Г. Вороной владел большим оптовским поместьем в Новгороде (см.: НПК, т. IV, стр. 252, 254, 256). В. А. Бутурлин был видным земским воеводой и в период опричнины служил «в окольного места» (см.: Разряды, лл. 327, 329 об., 333, 334; Сб. РИО, т. 71, стр. 348—417).

И. Юрьев, главный псковский дьяк Ю. Сидоров, главный новгородский дьяк А. Безсонов и более 40 новгородских подьячих.³⁹ Во время суда на Городище погиб глава богатейшей купеческой фамилии Новгорода — Федор Сырков, в прошлом главный дьяк Новгорода.⁴⁰ Его участь разделили «староста большой» Новгорода Алексей Сырков, богатые купцы Андрей Тараканов и Дмитрий Ямской. Имена всех этих лиц занесены в новгородские списки синодика. Среди новгородских дворян более всего пострадали помещики Бежецкой пятины,⁴¹ а также многочисленные вассалы архиепископа Пимена.⁴² Но самые видные архиепископские бояре и слуги были увезены для суда в Москву.⁴³

В начале новгородского похода царь просил митрополита, «чтоб он бояр и всяких людей о службе безо всякие хитрости утверждал по-прежнему». Кирилл отвечал, что исполнил его просьбу.⁴⁴ По-видимому, после суда на Городище царь известил митрополита об «измене» Пимена. В угоду царю Кирилл поспешно собрал священный собор и приговорил Пимена «за его безчинье священная не действовать». Но митрополит явно переусердствовал, и в новом письме царь просил собор сохранить за Пименом сан до окончания следствия: «архиепископу Пимину служити не велено, а сану б с нево до подлинного сыску и до соборного уложенья не снимати».⁴⁵ Очевидно, царь желал придать расправе с Пименом видимость законности.

В Новгороде опричные суды приговорили к смерти и казнили 211 дворян и приказных, 137 членов их семей, 30 холопов, монахов и других лиц.⁴⁶ К дознанию было привлечено много сотен людей. Чтобы допросить их, провести очные ставки, «испытать» огнем, записать показания и, наконец, казнить такое множество людей, понадобилось никак не менее месяца. Суд на Городище, начавшийся 9—10 января, продолжался по крайней мере до конца января.

После изобличения и казни главных «заговорщиков» опричники взялись за монастыри. Местный летописец, рассказав о рас-

³⁹ См.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 73, 76—78.

⁴⁰ См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 30—31; ДАИ, т. 1, стр. 65, 79, 146; Д. Я. Самоковсов. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII столетий, [т. I], отд. I. М., 1905, стр. 110.

⁴¹ В синодике записаны бежецкие помещики Чертовские, Калдоуровы, Анисеевы, Оплечюевы, Паюсовы, Юренев, Васяев, Шеляковы и т. д.

⁴² Коношый И. Милославский, Т. Шепков и др.

⁴³ Архиепископские бояре кн. А. Тулузов и кн. В. Шаховской, псковский наместник архиепископа Н. Цыплятев и др. По синодику они были казнены в Москве.

⁴⁴ Кирилл не знал тогда, где находился царь с опричниной, и поэтому его отписка не имела точного адреса: «писана в 78-м году, а куды к царю Ипапу та отписка писана, того не объявилось». — См.: ДДГ, стр. 483.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных..., стр. 73—74, 75—79.

праве на Городище, замечает: «... и по скончании того государь с своими воинскими людьми начат ездити около Великого Новгорода по монастырям». ⁴⁷ По Штадену, царь Иван самолично руководил изъятием сокровищ у монастырей. «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству». ⁴⁸ Опричники грабили монастырскую казну и кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство. ⁴⁹ Помимо всего прочего, царь наложил на монастыри громадную контрибуцию. Деньги взыскивали с 27 монастырей. ⁵⁰ Грозный лично побывал в главнейших из них и в каждом останавливался на сутки. Обезд монастырей занял несколько дней, может быть неделю. Участник похода опричник Штаден весьма определенно утверждает, что только по возвращении из монастырского объезда царь велел громить посад. Описав поездку царя по монастырям, он замечает: «... потом начали грабить город». ⁵¹ Это свидетельство подтверждается данными местной летописи. Ее автор рассказывает, что государь ездил «по монастырям», «потом прииде во град» и велел грабить посадских. ⁵² В течение всего суда на Городище и монастырского объезда новгородский посад жил своей обычной жизнью. В то время, пишет Штаден, «купцам он (царь, — *P. C.*) приказал торговать и от его людей опричников брать лишь по доброй уплате». ⁵³

В дни погрома все торговые склады и лавки Новгорода были разграблены: ценные товары забирались в казну, прочие товары сжигались. ⁵⁴ Опричные ломали ворота, выставляли двери и окна и грабили дома посадских людей. «Были снесены все высокие постройки, было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна». ⁵⁵ Всех, кто противился насилию, убивали на месте. Мелкие опричные отряды учинили грабеж по всем пятинам Новгорода, разгромили Ладогу, Орешек и Карелу. Особой свирепостью отличались меры опричнины против новгородской бедноты. Зимой 1570 г. новгородские города и деревни были поражены страшным голодом. Множество отчаявшихся голодных людей искали спасения в Новгороде. Царь решил вывести бродяжничество в Новгороде и приказал выгнать за ворота города всех нищих. Большая часть

⁴⁷ Новгородские летописи, стр. 343.

⁴⁸ Штаден, стр. 90.

⁴⁹ Новгородские летописи, стр. 343, 346; Послание Таубе и Крузе, стр. 50. — В Вишерском монастыре опричники в поисках сокровищ разломали раку местного святого Саввы.

⁵⁰ См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 30; Новгородские летописи, стр. 396.

⁵¹ Штаден, стр. 90.

⁵² Новгородские летописи, стр. 343.

⁵³ Штаден, стр. 90.

⁵⁴ Таким путем были уничтожены крупные партии льна, воска и сала, предназначенные для торговли с Европой (см.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 31).

⁵⁵ Штаден, стр. 91.

из них погибла от сильного мороза и голода. Несколько позже царь велел топить в реке тех неимущих и бродяг, которые изблечены были или подозревались в людоедстве.⁵⁶ Голод, более всего поразивший социальные низы, усилил элементы недовольства среди новгородского населения. Опричные власти боялись народного возмущения и старались ослабить опасность путем кровавого погрома.

Вопреки общепринятому взгляду, опричные санкции против новгородского посада носили характер кратковременной акции. Опричники пробывли в Новгороде шесть недель — со 2 января до 13 февраля 1570 г. Первые три-четыре недели шел суд на Городище, еще неделю царь ездил по монастырям, и наконец в самые последние дни разгрому подвергся посад. 13 февраля царь объявил «амнистию» посадским людям, которая, однако, не распространялась на новгородское духовенство.⁵⁷

Покинув Новгород, опричная армия двинулась на Псков. Жители Пскова, желая смягчить гнев царя, встретили его с хлебом и солью. Псков не избежал репрессий, но здесь они носили куда более умеренный характер, нежели в Новгороде. По синодику, опричники казнили в Пскове до 30—40 детей боярских, двух родовых приказчиков и одного подьячего.⁵⁸ По словам Шлихтинга, царь пощадил население Пскова, всю же ярость и жестокость обратил против монахов.⁵⁹ Действительно, с церковниками Пскова опричники расправились еще более жестоким образом, нежели с церковниками Новгорода. Они казнили игумена Печорского монастыря Корнилия и старца Васьяна, бывших друзей и единомышленников беглого боярина Курбского, до нитки ограбили псковские монастыри и соборы, сняли колокола и т. д.⁶⁰

Царь пробыл в Пскове очень недолго. Опричники, начавшие было грабить город, не успели довершить свое дело. Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Современники приписывали это чудо псковскому юродивому Николе, который посоветовал царю немедленно покинуть город.⁶¹ Но в действительности вмешательство юродивого несколько не повлияло на действия опричнины в Пскове. Царь покинул Псков не раньше, чем его люди рекви-

⁵⁶ См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 31—32.

⁵⁷ После отъезда Грозного репрессиями против повгородских монастырей стал руководить опричник К. Д. Поливанов. Его подручные заняли 27 крупнейших монастырей. К октябрю 1570 г. опричники взыскали с монастырей 13 тысяч рублей. (См.: Новгородские летописи, стр. 101).

⁵⁸ См.: Р. Г. Скрытников. Синодик опальных..., стр. 79—80.

⁵⁹ А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 32.

⁶⁰ См.: Р. Г. Скрытников. Синодик опальных..., стр. 53, 79.

⁶¹ Штаден, стр. 91; Послание Таубе и Крузе, стр. 50; Псковские летописи, т. I, стр. 116. — Псковская летопись расцвечивает легенду о юродивом вымышленными подробностями. Пророчества Николы будто бы начали сбываться. Едва опричники сняли колокола с Троицкого собора, как пал лучший царский конь. Царь в ужасе бежал из города.

зировали монастырское и церковное добро и сняли с церкви колокола. Антицерковная направленность опричной политики проявилась в Пскове с особой рельефностью. Более важное влияние на судьбу Пскова оказало то обстоятельство, что незадолго до погрома власти выселили из города всех неблагонадежных лиц. По дороге к Пскову опричники устроили кровавую баню в Медне и Торжке, перебыв там 220 опальных псковичей с семьями. Царя удовлетворила эта резня, и только поэтому он пощадил остальных жителей Пскова.

В истории кровавых подвигов опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного новгородского населения навсегда сделали самое понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

В новейшей литературе новгородский поход получил двойственную оценку. А. А. Зимин подчеркивает варварский, разбойный характер опричных санкций, «бессмысленность тех форм, в которые вылилась завершающая страница борьбы Москвы с Новгородом», но он усматривает в новгородском погроме некоторую объективную закономерность, связывая этот эпизод в истории опричнины с преодолением последних остатков политической раздробленности страны.⁶² Согласиться с подобной оценкой никак нельзя. Подлинными «героями» новгородского изменного дела были выходцы из старомосковской знати (Данилов, Волинский, Бутурлин), связанные с ними приказные люди и рядовые помещики, наконец новгородское духовенство. Удар пал на те социальные группы, которые служили наиболее надежной опорой феодальной монархии. Новгородский погром явился симптомом того, что правильное соотношение между монархией и ее политической базой нарушилось. Глубокий раздор между царем и Боярской думой сузил политическую базу правительства, которое пыталось упрочить свое положение посредством кровавого террора. Ограбление новгородской церкви и кушества должно было помочь монархии преодолеть финансовые затруднения. Власти не решились отобрать у духовенства его главное богатство — землю, но зато они реквизировали денежные сокровища церкви. Санкции против новгородского духовенства носили длительный характер. Опричники грабили новгородские монастыри до января 1571 г.

Террор против посадского населения имел вполне определенный социальный смысл. В глазах властей Новгород был центром опасного социального брожения. Московская администрация не пользовалась даже тенью авторитета среди непокорной новгородской черни. Репрессии против низов были для феодальной монархии мерой «социальной защиты». Однако в отличие от анти-

⁶² А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 304—305.

церковных мер санкции опричнины против посада носили кратковременный, скоротечный характер. Их целью было скорее устрашение, нежели истребление населения.

Количество жертв новгородского погрома не поддается точному исчислению. А. А. Зимин с некоторыми оговорками принимает вывод А. Г. Ильинского о гибели 40 тысяч жителей в одном только Новгороде и его окрестностях.⁶³ Но расчеты А. Г. Ильинского не выдерживают критики.⁶⁴ Литературные свидетельства современников не отличаются большой достоверностью.⁶⁵ Более надежным основанием для суждения о числе жертв опричного террора является синодик опальных, в основе которого лежат донесения и отчеты опричников. Главным инициатором погрома был Малюта Скуратов, руководивший репрессиями на протяжении всего новгородского похода. В Твери он собственноручно удушил Филиппа, в Торжке избил пленных татар и т. д. После окончания похода Малюта составил специальный отчет — «сказку» о произведенных им казнях, на основании которой была составлена следующая запись синодика: «По Малютине скаске в нугороцкой посылке Малюта отделал 1490 человек, ис пищали отделано 15 человек».⁶⁶ Цифра, приведенная в донесении Скуратова, дает, пожалуй, наиболее точное представление о масштабах репрессий во время новгородского похода. Как главный руководитель погрома Малюта располагал наиболее точными сведениями насчет жертв террора, вместе с тем он не имел причин преуменьшать свои «подвиги». В среде опричников жестокость служила лучшим доказательством преданности царю, а милосердие к «изменникам» наказывалось как предательство.

⁶³ А. Г. Ильинский. Городское население Новгородской области в XVI в. Историческое обозрение, т. IX, СПб., 1897, стр. 37; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 302.

⁶⁴ А. Г. Ильинский принимает на веру малодостоверное сообщение беллетристической «Повести о приходе царя Ивана в Новгород», будто во время погрома, длившегося пять недель, опричники топили в Волхове ежедневно до 500—1500 человек (см.: Новгородские летописи, стр. 342—343). Помножив эти цифры на 35 (пять недель погрома), А. Г. Ильинский искусственно получает цифру в 40 тысяч.

⁶⁵ Новгородский погром произвел на современников ошеломляющее впечатление. Передавали, будто в Новгороде погибло от 18 до 60 и даже 700 тысяч человек (см.: Донесение аббата Джерио дожу Венеции, стр. 214; G. Hoff. Erschreckliche, greuliche und unerhörte Tyranney Iwan Wasiljewic, л. 17 об.; РИБ, т. XXXI, стр. 319; Псковские летописи, т. I, стр. 115; Д. Горсей. Записки о Московии XVI века. М., 1909, стр. 25).

⁶⁶ Один из самых осведомленных авторов — Шлихтинг — сообщает, что опричники казнили 2770 новгородцев. По его словам, новгородские казни завершили судебный процесс конюшего Федорова. (См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 29, 62). Согласно свидетельству синодика опальных, во время суда по делу о заговоре Старицких с момента ареста Федорова и до новгородского разгрома было казнено около 2700—2800 лиц. Таким образом, известие Шлихтинга и данные синодика примерно совпадают.

Среди жертв Малюты было немало пленников. В Твери и Торжке опричники истребили до 500 пленных полочан, в Торжке избили 19 татар и т. д.⁶⁷ По-видимому, пленные составляли не менее трети лиц, указанных в «сказке» Малюты. Прочие побитые (более тысячи человек) были жителями Твери, Новгорода, а также Пскова.⁶⁸ Все эти лица, показанные в синодике безымянно, в массе своей принадлежали к социальным низам.⁶⁹

Опричники громили Новгород в то время, когда Новгородская земля испытывала значительные экономические трудности. Вследствие неурожая вся Северо-Западная Русь была поражена сильным голодом. В Твери число жертв голода превысило втрое количество жертв опричнины.⁷⁰ В Новгороде зимой 1570 г. известны были случаи людоедства. С наступлением лета в Новгородской земле началась эпидемия чумы. В одном только Новгороде к концу сентября было подобрано и погребено около 10 тысяч трупов.⁷¹ В мае 1571 г. новгородцы вновь хоронили в братских могилах умерших от чумы и голода.⁷² Писцовые книги Новгорода 80-х годов сообщают следующие данные о разорении новгородского посада в 60—70-х годах.⁷³

Софийская сторопа

	1566 г.	1567 г.	1568 г.	1569 г.	1570 г.	1571 г.
Число дворов, вы- бывших из тягла	62	161	25	66	190	240
В том числе дворы, владельцы кото- рых умерли . . .	62	159	22	61	141	222

⁶⁷ См.: А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 33—34; Послание Таубе и Крузе, стр. 49.

⁶⁸ Казненные псковичи (220 семей) записаны в синодике отдельным списком.

⁶⁹ Впервые это предположение высказано С. Б. Веселовским (см.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 348).

⁷⁰ Послание Таубе и Крузе, стр. 49.

⁷¹ Новгородские летописи, стр. 101.

⁷² Там же, стр. 106.

⁷³ См.: О. Ф. Терешкевич. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира, Киев, 1914, стр. 181, 205. — Данные писцовых книг позволили О. Ф. Терешкевич, А. М. Гневушеву и П. А. Яницкому сделать вывод, что опричный погром сам по себе не мог оказать решающего влияния на разорение Новгорода (см.: там же, стр. 224—225; П. А. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915, стр. 130; А. М. Гневушев. Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. Сб. Новгородского общества любителей древности, 1912, вып. VI, стр. 17—20). А. А. Зимин подверг сомнению данные писцовых книг Новгорода 80-х годов, указав на то, что после погрома власти распорядились заселить пустые дворы в Новгороде (см.: А. А. Зимин. Опричина Ивана Грозного, стр. 302). Но его доводы нельзя признать убедительными. В 70-х годах

Наибольшие опустошения в эти годы наделала чума. От нее умерли 89 тяглецов в 1566—1567 гг. и 117 — в 1571 г. (писцы записывали сведения только о владельцах тяглых дворов, не касаясь членов их семей). В 1570 г., а точнее с сентября 1569 г. до сентября 1570 г., многие дворовладельцы умерли, по-видимому, голодной смертью.

В Ладоге в год разгрома ее опричником кн. П. И. Борятинским 7 дворовладельцев умерли или погибли и 23 разбежались с посада. С сентября 1570 г. по сентябрь 1571 г. 15 тяглецов умерло от голода и чумы, 2 были забиты царскими праветчиками и 30 разбежались и «пошли в нищих».⁷⁴

Как в Новгороде, так и в Ладоге главной причиной разорения были голод и чума, опричный разгром лишь усугубил бедствие.

Сельское население пострадало от опричных репрессий значительно меньше, нежели посадское. В марте 1571 г. дозорщики произвели обыск о причинах разорения крупнейшего черносошного Кирьяжского погоста под Корелой. Собранные ими сведения весьма показательны. Громадный погост обезлюдел в течение каких-нибудь четырех-пяти лет (1566—1571 гг.). Многие крестьяне умерли от голода и чумы, другие сбежали от непосильных податей. В результате из 1046 тяглых крестьянских участков (луков) остались «живущими» несколько более 50. В течение одного лишь 1570 г. в погосте заустело 363 лука, из которых 31 лук запустили опричники. Они убили 18 крестьян, ограбили многие крестьянские дворы, посекали скотину.⁷⁵ В общей массе разоренных крестьян число пострадавших от опричнины было сравнительно невелико: опричный разгром не затронул и не мог затронуть всей толщи полуторамиллионного сельского населения Новгородско-Псковской земли.⁷⁶

Террор против посадских низов и крестьян Новгорода объясняется не столько пресловутым местным сепаратизмом, сколько наличием глубоких социальных противоречий, крайне обострившихся в годы «великого разорения» в конце 60-х и начале 70-х годов. С помощью репрессий монархия стремилась подавить любые проявления недовольства в народе и таким путем предотвратить антифеодальные выступления масс.

разорение новгородского посада началось из года в год. При таких условиях попытки властей заселить пустующие дворы не могли дать сколько-нибудь эффективных результатов.

⁷⁴ См.: Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Новоткрытые документы помещико-вотчинных учреждений Московского царства, т. II, ч. 2. М., 1909, стр. 303—306.

⁷⁵ Там же, стр. 59—124.

⁷⁶ О численности новгородского населения см.: А. И. Копанев. Население Русского государства в XVI в. Истор. зап., т. 64, 1959, стр. 244.